

вии В. Ганке, что был очень взволнован, «сердце у меня билось, голос дрожал, с четверть часа я говорил как будто осужденный в наказание преступник, которому позволено оправдываться — и нечем». Это настроение тогда было более чем понятно: курс славяноведения создавался в России впервые, «и своим первым чтением он должен был защитить права на существование науки, многим казавшейся ненужной роскошью»⁴. И славяноведение утвердилось как учебная дисциплина в университетах России.

Или другая лекция, тоже вступительная, прочитанная 8 февраля 1849 г. в Петербургском университете на годовичном торжественном собрании, — «Мысли об истории русского языка». Она также стала программным произведением в этой области. И впоследствии А. А. Шахматов скажет: «Срезневский положил основания историческому изучению русского языка, поставив его в живую ... связь с изучением других славянских языков»⁵.

И. И. Срезневскому принадлежит блестящий цикл публикаций и исследований: «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», «Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.», «Древние славянские памятники юсового письма», «Славянорусская палеография» и мн. др.

Вся жизнь Срезневского была связана и с лексикографией того времени. С первого года появления его в Петербурге периодически выходят его «разборы словарей»: Академического словаря 1847 г. (1848), словарей Ф. Рейфа (1851), Словаря литовского языка Нессельмана (1852), Словаря малорусского наречия А. Афанасьева (1854), Лужицко-сербского словаря Пфуля (1856), Церковно-славянского словаря А. Х. Востокова (1857), Словаря белорусского наречия И. Носовича (1866) — и также ряд других статей по лексикографии.

В одной из таких статей и была высказана И. И. Срезневским мысль о необходимости отграничения *исторической лексикографии*: опыт словаря 1847 г., объединявший лексику «нынешнего русского», и «старинного русского», и «церковно-славянского языков», убеждал, что «нельзя в одном труде соединить... все периоды исторического развития языка». Основная задача, как полагал И. И. Срезневский, состоит в тщательности подготовки базы словаря, источниковедческой работе, предварительной лексикографической обработке отдельных памятников письменности.

В 40-х годах были уже составлены И. И. Срезневским краткие словари и указатели к «Актам юридическим», «Актам археографической экспедиции» (1294—1462 гг.), Лаврентьевской, Ипатьевской летописям, к «Русской правде» по изд. Дубенского; в 50-х — к договорам первых князей киевских с греками, к сборнику Владимира Мономаха, к Григорию Назианзину XI в., сделаны выписки из рукописи Упыря Лихого⁶.

Картотека постепенно разрасталась. Срезневский накапливал материал «1) для палеографического обзора памятников древней русской письменности, 2) для русского словаря преимущественно по этим памятникам», успевая делать многочисленные публикации с палеографическим описанием памятников и выписки для картотеки (иногда с помощью своих учеников, переписчиков, членов семьи). Сын ученого, Всеволод Измайлович, вспоминает: «Я привык видеть, как вся наша семья, особенно летом, более свободная, выписывала на карточки слова из ряда изданий памятников, прочитанных отцом с подчеркнутыми им словами»⁷. Заметим, что в Картотеке

⁴ Вступительная лекция И. И. Срезневского..., с. 11 (Предисловие к лекции за подписью В. Срезневский).

⁵ Шахматов А. А. Вступительное слово на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности Академии наук, посвященном памяти И. И. Срезневского. — В кн.: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916, с. V.

⁶ Сведения взяты из статьи Срезневский Вс. И. Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. — «Изв. АН СССР, VII серия, Отделение общественных наук», Л., № 9, 1933.

⁷ Там же, с. 705.